

Андрей Фурсов:

«В России сегодня, как и в начале XX века, – социальное неравенство, кризис управленческих структур, убудочный капитализм»

Историк Андрей Фурсов рассказывает о том, как развивался системный кризис капитализма, и как на смену ему может прийти общество цифрового концлагеря и глобальной Матрицы – контроля над информацией и поведением человека. Он уверен, что шансов на выживание в мировом кризисе больше у тех обществ, в которых есть социальная справедливость и единство правящего слоя и народа. Но если в России продолжит существовать нынешняя кланово-олигархическая модель экономики и общества, у нас таких шансов не будет.

Андрей Ильич, в отличие от многих специалистов, которые оценивают ситуацию в мире и в России в отраслевом разрезе – например, чисто экономическом, – Вы всегда смотрите на нее комплексно. Хотелось бы поэтому задать Вам такой вопрос: каковы Ваши оценки того, что происходит в мире? Понятно, что идет эпидемия коронавируса, но все-таки складывается впечатление, что мы наблюдаем более серьезный процесс какого-то перелома.

Могу сказать только то, что говорю последние лет 20-25: мы живем в условиях системного кризиса капитализма. Не структурного, когда одна структура меняет другую той же системы, а системного, причем в его терминальной фазе. Она началась, условно, на рубеже 1980 – 90-х годов. Первое, оно же и ключевое событие этой фазы, – разрушение Советского Союза. СССР был системным антикапитализмом и выполнял очень важную функцию в мировой системе. Однако по мере демонтажа капсистемы ее же хозяевами СССР становился опасен как альтернативный вариант посткапитализма. И его надо было разрушить. К этому западную верхушку подталкивали и прогнозы ее аналитиков, сделанные в самом начале 1980-х годов.

С помощью коронавируса без мировой войны рушат буржуазное общество и конструируют фундамент посткапиталистического мира

У нас мало кто знает, что в 1981 году, когда Рейган был избран президентом, он заказал трем группам прогноз развития мировой экономики на следующие 10-12 лет. Одной группой руководил М. Гелл-Манн, другой – Р. Коллинз, а

третьей – Б. Бонер. Группы работали независимо друг от друга, но пришли к одинаковым выводам. Все спрогнозировали мировой кризис в две ударные волны: 1987 – 1988-го годов и 1992 – 1993-го. Согласно этим прогнозам, капиталистический сегмент мировой системы должен был перенести кризис значительно хуже социалистического. В капиталистическом секторе производство должно было сократиться на 20-25%, в социалистическом секторе – на 10-12%.

Политические последствия, согласно этим прогнозам, могли быть таковы: приход к власти коммунистов во Франции и в Италии, левых лейбористов в Великобритании, а в США – негритянские бунты в крупнейших городах.

С этого момента максимальное ослабление Советского Союза или даже его разрушение, причём в короткие сроки, стало задачей выживания капиталистического сегмента мировой экономики. Разумеется, без наличия внутри СССР тех сил, которые могли бы выступить союзниками Запада в этом процессе, ничего бы не получилось.

Кто же выступил союзником? К середине 1970-х годов, в ходе развития советского общества в советской верхушке сформировался кластер, заинтересованный в изменении социально-экономического строя страны и в интеграции её в западную систему. Кластер, представленный частью партноменклатуры, определенными сегментами КГБ и курируемыми ими теневыми капиталами, не мог решить свои проблемы вне контакта с определенными группами на Западе. Возник эдакий двойной субъект.

Одной из основ нового мира, который они планируют, будет контроль над поведением человека с помощью цифровых технологий, «медицинского тоталитаризма», «экологического фашизма»

Я убежден, что те люди, которые собирались менять строй в СССР, – возможно, когда-нибудь мы узнаем, кто был теми, чьей ширмой и выступали персонажи типа Яковлева, Горбачева, Шеварднадзе, – так вот, я убежден, что эти люди не хотели разрушать Советский Союз. Он им был нужен. Они хотели лишь сменить строй, однако в конце 1987 – начале 1988-го годов процесс вышел из-под их контроля, и СССР покатился к разрушению.

Ограбление разрушенной зоны соцсистемы и, прежде всего, СССР подарило капитализму полтора десятка «тучных лет», отодвинув на этот срок вычисленный прогнозистами кризис. Однако судьба ничего не дает навечно, и

в 2008-м году кризис шарахнул. После этого мировая экономика покатила по наклонной. 2018 – 2019-й годы стали для неё особенно тяжелыми. На рынке акций надулся пузырь, который грозил кризисом, не сопоставимым с кризисом 2008 года. Возник целый ряд проблем, которые обычно в истории капсистемы решают мировые войны. Однако в нынешних обстоятельствах, когда есть ядерное и иное оружие массового поражения, начинать мировую войну – штука опасная. Даже если кто-то останется победителем – победа будет пирровой.

Сегодня классовая борьба за будущее, за то, кто попадет в него, а кто нет, разворачивается, прежде всего, в сфере духовной организации, в установлении контроля над ней и над поведением людей

И тут вдруг подвернулся коронавирус (или его ловко подвернули), который использовали для решения многих задач, которые обычно решали мировые войны. Пузырь проткнули так, что и войны избежали, и обогатили «властелинов цифровых колец», и в разы увеличили власть чиновников над населением, да так, что оно даже не пикнуло, запуганное якобы смертельной угрозой.

То есть Вы считаете, что нынешняя пандемия позволяет произвести вот это вот частично контролируемое обрушение, которое необходимо для перезагрузки этой системы?

Совершенно верно! Именно перезагрузка – global reset, под которой словно по команде из скрытых наднациональных высот подписались национальные правительства. И, главное, мы не имеем дело с пандемией. Она не дотягивает до пандемии по чисто количественным показателям. Это эпидемия, причем двойная: биологическая, медицинская со смертями, как при тяжелом гриппе, и одновременно в еще большей степени эпидемия психическая.

Сознательная дебилизация огромных групп населения посредством фейк-образования в его различных формах, включая дистанционную, – это не что иное, как создание будущего низшего класса социальных животных, пролетариата в древнеримском смысле этого слова

В ходе нее отрабатываются новые социальные технологии контроля над большими массами людей, уничтожаются целые сектора экономики (коронабесие как кистень глобальной конкуренции), демонтируются привычные институциональные формы (например, в образовании). Иными

словами, без мировой войны рушат буржуазное общество, общество Модерна и конструируют фундамент посткапиталистического мира.

Да, вот это самый интересный вопрос: так что же должно появиться-то в результате?

По замыслам планировщика, по-видимому, должна возникнуть посткапиталистическая Матрица. Сравним её с капитализмом, а заодно посмотрим как из него может возникнуть матричный «чужой». В основе капитализма как системы лежит капитал, т.е. овеществленный труд, реализующий себя в качестве самовозрастающей стоимости. В 1970 – 1980-е годы в позднекапиталистическом обществе начинает развиваться двойной процесс. Во-первых, все большую роль в самом материальном производстве начали играть не вещественные факторы труда, не овеществленный труд, а духовные, информационные факторы производства. Присвоение этих факторов как системообразующих требует принципиально иной социальной системы, чем та, что строится вокруг присвоения овеществленного труда, т.е. капитала.

В России протекают все те же процессы, что и в мире, причем нередко в более острой форме: например, мировые рекорды бьёт социальное неравенство, зашкаливает уровень олигархизации экономики и социума – ядру капсистемы такое и не снилось

Во-вторых, стартовавшая в 1970-е годы и развернувшаяся с 1980-х годов глобальная финансиализация капитализма, т.е. оттеснение на задний план, с одной стороны, реальной («физической», как сказал бы вслед за П. Кузнецовым Л. Ларуш) экономики, т.е. промышленного производства, с другой – государственно-монополистического капитала. При этом в ходе финансиализации деньги как таковые утратили все те пять функций, которые делают их деньгами. По сути с середины 1970-х идет процесс демонтажа капитализма как системы его хозяевами. Уже сейчас проступают контуры того мира, который они планируют. Этот мир должен базироваться на «трех китах»: 1) присвоение духовных (а не вещественных) факторов производства; 2) контроль над поведением человека с помощью цифровых технологий, «медицинского тоталитаризма», «экологического фашизма» и т.п.; 3) контроль над ресурсами, нехватка многих из которых ощущается все острее, их централизованное распределение («глобальная распределительная экономика» Ж. Аттали). Но, прежде чем присвоить и монополизировать духовные факторы производства в виде новых структур, нужно разрушить их

существующие структуры – наука и образование общества модерна в его индустриальной форме.

Что означает контроль над наукой и образованием?

Представьте, мы с вами решили установить контроль над сферами науки и образования, монополизировать их. Что мы должны сделать в первую очередь? Разрушить существующую и коренящуюся в эпохе индустриального модерна систему образования. Мы должны разрушить науку и сконцентрировать исследования не в НИИ, а в закрытых структурах. В известном смысле повторяется ситуация, которая имела место быть с XVI по XVIII век. Например, когда нам говорят, что история Оксфордского университета насчитывает 800 лет, то это верно лишь формально, поскольку в XVI веке реальные штудии из Оксфорда ушли и вернулись туда только в конце XVIII века. То же и со многими другими университетами в этот период, когда реальная наука ушла в различные полузакрытые королевские общества (исторические, географические, физические) или кружки иезуитов (типа кружка Мерсенна в Париже середины XVII века). И только когда экономические реалии формирующегося промышленного и массового буржуазного общества потребовали широкомасштабных и открытых форм, наука «вернулась» в университеты уже на новой, буржуазной основе (отсюда и «кавычки»: вернулась в той же мере, в какой заново создала адекватные новым формам институты).

Россия нынешний кризис переживает в довольно острой форме, потому что, во-первых, комбинирует многие худшие черты позднесоветского общества с худшими чертами капитализма; во-вторых, у богатого ядра капиталистической системы есть «жирок», а у РФ его нет – проели и разворовали

Сейчас на Западе развивается похожий процесс: по мере деградации (в том числе сознательно организованной) университетов реальная наука перемещается в закрытые и полузакрытые структуры, в сетевые сообщества. Дело дошло до того, что ведущие спецслужбы англосаксонского мира в кооперации с историческими факультетами трех крупнейших университетов Великобритании начали готовить своих историков по тем специальностям, по которым не готовят историков в традиционных вузах: это историк-расследователь (investigative historian) и историк-системщик (system historian). Главная задача историка-расследователя – это анализ косвенных

разведпризнаков. «Системные историки» заточены под анализ систем и тех подсистем, которые нужно «вырубить» первыми, чтобы покончить с данной системой по «принципу каратэ» – с одного удара. Спецслужбистский союз «Пять глаз» (разведки пяти англосаксонских стран; в 2018 году «пятиглазые» впустили к себе разведки Израиля, ФРГ и Японии) создал свой научно-исследовательский центр, комбинирующий институциональные и сетевые формы работы. А руководит им известный человек – Нил Фергюсон, сделавший себе карьеру на панегирической биографии Ротшильдов.

Такие действия развед- и полузакрытых структур – реакция на деградацию научно-образовательной сферы. Эта деградация, отчасти стихийная, но в еще большей части наведенная, проявляется по-разному: детеоретизация знания, мелкотемье, подмена серьезных фундаментальных исследований (часто посредством политкорректности) не просто третьестепенными, а тем, что можно назвать фрик-наукой или информационно-мусорным, туфтовым комплексом.

Сегодняшняя элитка отталкивает население, лишая его советских завоеваний и очерняя большую часть советского прошлого

Сегодня классовая борьба за будущее, за то, кто попадет в него, а кто нет, кого отсекут от Futurum'a, разворачивается, прежде всего, в сфере духовной организации, установлении контроля над ней и над поведением людей. Сознательная дебилизация огромных групп населения посредством фейк-образования в его различных формах, включая дистанционную, – это не что иное, как создание будущего андеркласса социальных животных, пролетариата в древнеримском смысле этого слова.

Будущее мира определяется в борьбе различных социальных сил. Вспомним конец феодализма: будущие модели развития буржуазного общества определились в ходе борьбы «углов треугольника»: король – сеньоры – крестьяне. В зависимости от того, какие два «угла» объединились против третьего, мы имеем английский, французский и немецкий варианты выхода из кризиса. Выходов в будущее из терминального кризиса капитализма, если не произойдет глобальной катастрофы, тоже, скорее всего, будет несколько. Впрочем, в двух макрорегионах будущее уже наступило. С одной стороны, это Китай с его системой социальных рейтингов – идеальная модель цифрового концлагеря, с другой – Африка с ее неоархаикой, в которую большая часть континента погружается всё глубже и глубже. А вот Латинская Америка, США, Евросоюз, мусульманский мир и Россия – здесь борьба за будущее еще предстоит, причем очень-очень острая...

Раз уж мы пришли к России, то что все эти процессы означают для нашей страны на данный момент?

В России протекают все те же процессы, что и в мире, причем нередко в более острой форме: например, мировые рекорды бьёт социальное неравенство, зашкаливает уровень олигархизации экономики и социума – ядру капсистемы такое и не снилось. То же было и в начале XX века в России, которая не была капиталистической, но процессы, характерные для капиталистического мира того времени, протекали у нас в очень острой форме: социальное неравенство, кризис управленческих структур, ублюдочный капитализм конца XIX – начала XX века. Маркс характеризовал подобные ситуации так: «язычник, чахнувший от язв христианства».

Получается интересная штука. В конце XIX – начале XX веков было наложение двух кризисов – кризис российской самодержавной системы и структурный кризис мирового капитализма. Их результатами стали революции 1905-го и 1917-го годов и возникновение системы социализма (антикапитализма). А в конце XX века мы получили одновременно кризис соцсистемы (мирового антикапитализма в форме очищенной от собственнических «привесок» русской власти) и кризис капитализма (на этот раз системный в его терминальной стадии). Этот кризис тянет за собой другие: европейской цивилизации, христианства. Россия нынешний кризис переживает в довольно острой форме, потому что, во-первых, комбинирует многие худшие черты позднесоветского общества с худшими чертами капитализма; во-вторых, у богатого ядра капиталистической системы есть «жирок», а у РФ его нет – проели и разворовали.

Правда, у России есть три плюса, которых нет у богатеньких стран.

Первый – это исторический опыт выскакивания из ловушек, когда во всём мире кризис. Это история первой Русской смуты, России начала XVIII века, которую Пётр I загнал в исторический провал, история 1920-х годов. Но это не значит, что нам всегда удастся выскакать из ловушки. России три раза повезло. Но, как известно, везёт тому, кто везёт. Везёт ли нынешняя РФ?

Второй – это привычка и готовность жить в условиях невысокого уровня потребления. Как писал Бисмарк, Россия опасна мизерностью своих потребностей. С этим связано третье – у нас весьма высокий порог социальной устойчивости или, если угодно, социальной боли. Я уверен, что, например, страна, которую я знаю лучше других, где я жил – Соединённые Штаты, едва ли пережила бы то, что мы пережили в девяностые годы. То, как они ныне переживают коронабесие и флойдобесие, показывает, насколько это нежный и

слабый в психическом отношении социум. А мы пережили девяностые совсем по-другому. Я бы сказал, что те, кто тогда выжил, стал, как поётся в песне, крепче стали. Именно эти люди – реальные «новые русские», а не «малиновые пиджаки».

И что же все-таки нужно, чтобы и сейчас у России был шанс выйти из вот этого нового кризиса, мирового перелома и не попасть в стан проигравших, не стать жертвой этого процесса? Что необходимо делать в первую очередь тем, кто в России хотел бы избежать такого сценария?

Непростой вопрос. Когда рушится мировая система в целом, когда рушится крепость, трудно устоять отдельным башням. В условиях тотальных системных кризисов выигрывает тот, кто упадёт последним, тот, кто останется: все упали, а он остался и выжил. История кризиса Римской империи, кризиса Средневековья показывают, что это именно так. Думаю, что с историей капитализма будет то же самое: выживет тот, кто упадет последним, желательно – на труп врага. Поэтому задача № 1 – не упасть первыми, вежливо пропустить вперёд врагов – тех, кого у нас любят называть «партнёрами».

С точки зрения выживания в условиях кризиса шансов на победу больше у тех обществ, в которых налицо единство правящего слоя и народа, где меньше разрыв между верхушкой и населением. Приведу пример, на первый взгляд, удалённый от нас по времени – из истории франков, т.е. из второго европейского Темновековья (дело, однако, в том, что в кризисные эпохи время «закольцовывается» «листом Мёбиуса», и мы вступаем в новое – четвёртое Темновековье; третье – 1348 – 1648-й гг.). Так вот, во франкском королевстве успешные династии Меровингов и Каролингов происходили как раз из тех земель, где разрыв между верхами и низами был минимальным, где общество выступало как сплочённый кулак.

То есть в борьбе за будущее шансы на выживание и победу имеют те социумы, где разрыв между бедными и богатыми, социально-высокими и социально-низкими будет минимальным, где соблюдается социальная справедливость, и где народ поддерживает свои элиты в борьбе за место под ярким или не очень ярким солнцем будущего. «Дом, разделившийся в себе, не устоит». Если в России продолжит существовать нынешняя кланово-олигархическая модель, то шансов практически нет, поскольку ничего привлекательного для народа в этой модели нет. В этом плане очень показательно, чем закончила позднесамодержавная Россия, где власть плевала на народ. Тогдашняя элита демонстративно отталкивала народ как малокультурное быдло. Сегодняшняя

элитка отталкивает население, лишая его советских завоеваний и очерняя большую часть советского прошлого. И этот нынешний социокультурный раскол верхов и низов по линии советизм/антисоветизм не меньший, не менее острый и не менее опасный для социума, чем между вестернизованным дворянством конца XIX века и русским народом того времени.

То есть в России для выживания страны нужно, чтобы люди чувствовали бы, что все вместе они делают какое-то одно дело на благо страны? А не так как сейчас, когда люди понимают, что элиты куда-то оторвались, просто всех грабят и при этом им наплевать, что дальше будет со страной.

В России, имманентно некапиталистической стране, капитализм может (и всегда будет) принимать асоциальные или просто криминальные формы, всегда будет мерой регресса и деградации общества. Так было в конце XIX – начале XX веков, так было и есть в конце XX – начале XXI веков. В прошлом году в одном из интервью мне задали вопрос: с учётом исторической ретроспективы – в каком году живёт нынешняя РФ? Я ответил, что мы, Россия, живём в 1904-м, и дальше всё будет зависеть от того, «поедем» мы в 1903-й или 1905-й. Если бы мне этот вопрос задали сегодня, я бы уточнил: мы живём в хронокомбинации сразу четырёх лет/дат: 1603, 1904, 1916 и 1988-го.

В 1945-м году наши отцы и деды сломали хребет германскому/европейскому фашизму. Сегодня мы имеем дело с фашизмом глобальной матрицы, стремящейся превратить весь мир в цифровой концлагерь. Однажды русские уже спасли мир от коричневой чумы. Надо повторить

Ситуация осложняется тем, что, поскольку РФ не обладает полным суверенитетом, многие возникающие проблемы внеположены ей – либо возникают на уровне мирового целого, элементом которого она является и которое не контролирует, либо ставятся перед ней хозяевами умирающего/мутирующего капитализма. Адекватно отвечать на эти вызовы можно только единым домом, консолидированным обществом. Иначе – на помойку истории, и первой туда полетит «аристократия помойки». Впрочем, это слабое утешение. Да и не утешение нам нужно, а победа. На этот раз – над поднимающимся глобальным фашизмом. В 1945-м году наши отцы и деды сломали хребет германскому/европейскому фашизму. Сегодня мы имеем дело с фашизмом глобальной матрицы, стремящейся превратить весь мир в цифровой концлагерь. Однажды русские уже спасли мир от коричневой чумы. Надо повторить.